

инициативами, направленными на экономическое и человеческое развитие Северной и Центральной Азии.

1. Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Принята 7 июня 2002 г. в г. Санкт-Петербурге.

2. *Кожирова С. Б.* Китайская миграция как элемент региональной безопасности : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Астана, 2009.

3. Нужен ли русский язык новым независимым государствам? : материалы конф., Москва, 29 февр. 2008 г. М., 2008.

4. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Принята 7 июня 2002 г. в г. Санкт-Петербурге.

5. International Migration 2006. N. Y., 2006.

6. *Ratha D., Mohapatra S., Silwal A.* Migration and Remittance Trends 2009. A better-than-expected outcome so far, but significant risks ahead // Migration and Development Brief. 2009. № 11. Nov. 3.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 316.344.42 + 32.001 (470)

А. Г. Наронская

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Статья посвящена вопросам трансформации политических элит в постсоветском пространстве. Современный этап развития постсоветских государств, необходимость системной модернизации делают актуальной проблему эффективности политической системы. В связи с этим огромный интерес представляют перемены в стиле и способах осуществления политической власти, в характере деятельности политических элит.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая элита, система рекрутирования элиты, трансформация, стратегическое управление.

В последние десятилетия государства постсоветского пространства столкнулись со значительными изменениями состава, механизмов формирования, роли, статуса, мотивации и систем ценностей правящих элит. В настоящий исторический период практически во всех государствах бывшего Советского Союза стабилизировались механизмы элитообразования, что позволяет говорить о трансформации правящих элит.

Под трансформацией мы понимаем постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но вместе с тем глубокое и относительно быстрое преобразование механизмов элитообразования и состава элиты, обусловленное как внут-

ренными потребностями системы, так и воздействием внешних факторов [4, 445–448]. Направление и результаты трансформации зависят в первую очередь от деятельности самой политической элиты — правящей группы общества, обладающей властными ресурсами и принимающей стратегические решения. В рамках трансформационного процесса происходит качественное преобразование не только системы рекрутирования и социально-группового состава элиты, но и системы базовых ценностей, психологических характеристик, принципов деятельности представителей элиты.

Переход большинства современных стран в информационную стадию развития определяет необходимость глубинных изменений в формировании и функционировании политической элиты. Сложность и глобальный характер современных процессов, необходимость противостоять внутренним и внешним угрозам усиливают прежде всего интеллектуальную составляющую деятельности политической элиты. Следовательно, особое значение для политического и социально-экономического развития постсоветских государств приобретает проблема стратегического управления. Стратегическая деятельность политической элиты — сложное, многомерное явление. Тип развития каждого общества, функциональные особенности политического режима, специфика политической культуры — вот основные факторы, от которых зависит эффективность политической элиты. Стратегия — способ деятельности, который становится неотъемлемой составляющей сущности политической элиты. Таким образом, стратегическая деятельность политической элиты представляет собой иммунитет государства, основу его национальной безопасности. И наоборот, бездарное государственное управление, неспособность определять стратегию развития страны являются постоянными угрозами интересам и безопасности нации.

Характер деятельности любой политической элиты напрямую зависит от системы ее рекрутирования. Следует отметить, что современным странам присущи различные системы рекрутирования политической элиты, которые определяют конкретные механизмы и каналы элитообразования. Механизмы рекрутирования политической элиты — это принципы выдвижения в ее состав новых представителей. Такими принципами, в зависимости от политической системы, типа политического режима, могут быть наследование, кровное родство, владение собственностью, профессиональная компетентность, образование, партийная принадлежность, личная преданность, выслуга лет и т. д. Каналы рекрутирования — это институциональные пути продвижения вверх в политической иерархии. К числу основных каналов рекрутирования элиты относят следующие: государственный аппарат, политические партии, армию, религиозные организации, органы местного самоуправления, систему образования. Доминирование того или иного канала обусловлено историческими традициями политического развития, особенностями политической культуры, политического режима [3, 100–101]. Именно система рекрутирования элиты непосредственно определяет качественный состав и особенности деятельности ее представителей. Механизмы и каналы рекрутирования элиты не существуют статично, они подвержены изменениям и динамике.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание роль и место неофициальных отношений в системе элитобразования. В самой жесткой институциональной структуре всегда существует пространство для неофициальных взаимоотношений между представителями политической элиты (подтверждение этому — исследования П. Блау, М. Крозье). Следствием институциональных преобразований системы рекрутирования элиты может быть доминирование нелегитимных, неформальных механизмов элитобразования. В этом случае ключевыми принципами формирования и функционирования элиты становятся неофициальные, «закулисные», персональные связи и отношения. Подобная ситуация может привести к серьезному разрыву между публичной системой отбора политической элиты и действительным способом формирования власти. В результате вместо политических взаимоотношений правящая элита — оппозиция складываются формы межкомандной, межкорпоративной конкуренции, когда место политических партий, других политических посредников занимают группировки и кланы, которые в качестве механизмов взаимодействия используют принципы этнической солидарности, земляческие и родственные связи. Подобная ситуация серьезно деформирует элитобразование и не позволяет правящей элите эффективно решать стоящие перед обществом проблемы.

Проблема трансформации правящих элит особенно актуальна для государств постсоветского пространства. Особый интерес вызывают процессы трансформации правящей элиты в Республике Казахстан. Это не случайно: Республика Казахстан является стратегическим партнером России. Россия и Казахстан достаточно успешно сотрудничают по разным направлениям, в том числе и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), имеют общую границу, близкие внешнеполитические интересы, а также схожие проблемы развития. Поэтому, несмотря на существующие этнокультурные, социально-экономические и политические различия между Россией и Казахстаном, можно выделить общие тенденции в институциональном развитии политических элит.

Во-первых, главным источником кадров для формирования политических элит в России и Казахстане стала советская номенклатура. Данные по динамике социального состава правящих элит России и Казахстана в 90-е гг. показывают, что формирование новых политических элит шло под контролем номенклатуры и почти 70 % представителей новых элит в обеих странах до этого входили в состав советской номенклатуры.

Во-вторых, в обеих странах наблюдается доминирование бюрократического механизма и государственно-административного канала рекрутирования элит. Ограничение протестного политического пространства, построение «вертикали власти», предсказуемый и управляемый процесс выборов привели к тому, что российская бюрократическая элита выступает единственным центром политического влияния. Что касается Казахстана, то принятый еще в середине 90-х гг. Закон «О государственной службе» Республики Казахстан закрепил административный принцип формирования политической элиты. Таким образом, и в России, и в Казахстане бюрократические элиты контролируют государственный аппарат и обладают наибольшим ресурсным потенциалом.

Постепенное преобразование партийных систем России и Казахстана в системы с доминирующей партией подтверждает ключевое положение именно бюрократической элиты в политической системе. В августе 2007 г. в Казахстане прошли внеочередные парламентские выборы, по результатам которых партия «Нур Отан», возглавляемая Н. Назарбаевым, набрала более 88 % голосов и стала единственной в составе мажилиса (нижней палаты парламента) [8, 385]. В декабре 2007 г. партия «Единая Россия» получила на выборах в Государственную думу 64,3 % голосов (315 мест из 450), в ее избирательном списке были заявлены 64 действующих губернатора, целая группа мэров, члены правительства, спикеры законодательных собраний субъектов Федерации. Подобная ситуация свидетельствует о том, что членство в «партии власти» становится необходимым условием подтверждения своего статуса и места как в политической, так и в административной элите обеих стран.

В-третьих, сохраняется синкретизм бюрократической элиты и бизнес-элит. Появление новых демократических институтов не привело к отделению власти от собственности. Изменился только формальный способ распоряжения собственностью, в рамках которого представители административных структур либо сами владеют экономическими ресурсами, либо контролируют собственников. Сращиванию власти и собственности в значительной мере способствовало номенклатурное происхождение бизнес-элиты. Казахстанский исследователь Р. Кадыржанов отмечает, что «бизнес-элита Казахстана зарождается в начале 90-х гг. ... когда в нее вливаются как представители номенклатуры (прежде всего те партийные функционеры, кто к августу 1991 г. и последовавшему за ним Указу Президента о роспуске компартии не успел перейти в органы исполнительной власти), так и уполномоченные номенклатурой на занятие бизнесом лица. В появлении бизнес-элиты и укреплении ее позиций решающую роль сыграли экономические привилегии: создание совместных предприятий, свободное обналичивание денег, льготные кредиты, операции с недвижимостью и множество других» [5, 60]. Подобные процессы имели место и в современной России.

В-четвертых, бюрократизация правящих элит, синкретизм власти и собственности приводят к господству неформальных механизмов рекрутирования элиты. Основными субъектами политических элит России и Казахстана стали специфические неформальные социальные образования: «кланы», «команды», «клики», которые связаны отношениями личной зависимости, преданности. В России «кланы» и «команды» формируются преимущественно на принципах личной преданности и землячества. В Казахстане, особенно на региональном уровне, также проявляются клановые (жузовые) принципы формирования элиты, когда руководитель создает свою команду, исходя из родоплеменной общности индивидов, где преобладают патрон-клиентелистские отношения, основанные на личной преданности и закрытости [1, 362]. С помощью многочисленных неформальных связей между данными закрытыми группами, теневого согласования позиций происходит перераспределение властных ресурсов, распределение должностей, избрание представительных органов власти.

По мнению российского политолога В. Пастухова, «клановость» — это «дополнительное состояние власти, которая еще не способна выразить общий

(“публичный”) интерес, которая не интегрирует внутри себя этот публичный интерес путем “перегонки” частных интересов посредством политических институтов» [6, 129]. Пример большинства постсоветских государств, в том числе России и Казахстана, показывает, что «клановость», являясь основным принципом элитообразования, приводит к формированию моноцентричной, неконкурентной правящей элиты, в которой персонифицированные, неформальные отношения доминируют над институциональными. Справедливости ради нужно отметить, что подобная система формирования и функционирования элиты в переходных условиях может играть стабилизирующую роль, но одновременно с этим ведет к коррупции и деградации правовых механизмов формирования элиты.

Несмотря на достаточно похожие процессы элитообразования, в России и Казахстане характер деятельности политической элиты Республики Казахстан значительно отличается от характера деятельности российской элиты.

Во-первых, в отличие от российской политической элиты правящая элита Республики Казахстан начала свою деятельность не с политической модернизации, а с экономических преобразований — пенсионной, банковской реформ и др. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев так определял приоритеты реформ: «На первом месте развития государства должна стоять экономика, а потом политика» [8, 383]. В данном случае ориентиром для элиты Казахстана при проведении экономических, а затем и политических преобразований стала модель развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона (в частности, Южной Кореи, Таиланда, Малайзии и Сингапура). Опыт данных стран доказывает, что только сильное государство является главным и наиболее эффективным фактором экономической модернизации.

Более того, сложный системный характер принятия политических и социально-экономических решений требовал особого внимания к кадровым и интеллектуальным ресурсам правящей элиты. Поэтому совершенствование системы образования стало для политической элиты Республики Казахстан важнейшим приоритетом. Казахстанская молодежь в рамках президентской программы «Болашак» обучается в тридцати странах дальнего и ближнего зарубежья и составляет серьезный кадровый резерв политической элиты [Там же, 389]. В результате можно сказать, что за постсоветские годы в Казахстане постепенно формируется новая правящая элита. Основной же характеристикой новой казахстанской элиты, по мнению целого ряда экспертов, является «ее высокая моральная и интеллектуальная гибкость при перманентных модернизациях, что позволяет стабильно развиваться государству и обществу — без ярких успехов, но и без явных провалов» [2].

Во-вторых, правящая элита Казахстана формирует качественно новые подходы к государственному управлению. Одной из важнейших составляющих деятельности политической элиты Казахстана является стратегическое планирование. Например, в Казахстане реализуется уникальная для постсоветского пространства стратегия развития страны — «Казахстан-2030», подготовленная в 2005 г. экспертным коллективом Института национальной стратегии. В рамках данной программы президент Казахстана Назарбаев поставил перед страной цель — «войти в число 50 наиболее развитых стран с высокими стандарта-

ми жизни для граждан» [8, 383]. За последние три года ВВП на душу населения страны удвоился — с 3,7 тыс. долларов в 2005 г. до более чем 7 тыс. долларов в 2007 г. (для сравнения: ВВП на душу населения в России на 2007 г. составил менее 7 тыс. долларов) [Там же, 382]. При решении задач данной программы упор делается не на топливно-энергетический сектор и высокие цены на экспортируемые энергоресурсы, а на опережающее развитие инфраструктуры, создание новых отраслей хозяйства, привлечение крупных инвестиций и масштабной модернизации экономики. При этом Казахстан — единственная страна из бывшего СССР, где есть потенциал увеличения добычи нефти с уже действующих и разведанных месторождений, а соотношение запасы/добыча значительно превышает общемировые показатели.

**Нефть: запасы, добыча, потребление
(по состоянию на конец 2007 г., % от общемирового уровня)***

Регионы/страны	Доказанные запасы	Добыча	Потребление	Соотношение запасы/добыча
Весь мир	100 (168,6 млрд т)	100 (3,9 млрд т)	100 (3,95 млрд т)	41,6
Россия	6,4	12,6	3,2	21,8
Азербайджан	0,6	1,1	0,1	22,1
Казахстан	3,2	1,8	0,3	73,2

*Источник: BP Statistical Rev. of World Energy. June 2008. BP, 2008 [7, 10].

Следует отметить, что в последнее время проблема стратегического управления широко обсуждается и в России, как на уровне политического руководства, так и в экспертном сообществе. Основу стратегии развития современной России, по мнению президента РФ Д. А. Медведева, составляют инвестиции, инфраструктура, институты, инновации и интеллект. Вместе с тем реализация фундаментальных изменений экономической и социальной структуры нашего общества предполагает инновационный характер деятельности правящей элиты и прежде всего модернизацию системы ее рекрутирования. Инструментом такой модернизации должна стать система формирования инновационного элитного резерва на всех уровнях власти, а в перспективе и новой элиты, способной решать новые типы управленческих задач.

Как представляется автору, при формировании резерва управленческих кадров, совершенствовании системы рекрутирования элиты важно изучать опыт не только западных, но и постсоветских государств. Поэтому процессы трансформации политической элиты в Республике Казахстан представляют огромный интерес для современной России, особенно с учетом вовлеченности обеих стран в интеграционные процессы.

1. Абуева Н. А. Система рекрутизации казахстанской политической элиты в условиях

модернизации государственного управления // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 8. Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2008.

2. *Ашимбаев Д.* Кадры решают все, или Элита Казахстана за десять лет // УА 16 декабря 2003 г. URL: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?M_id=400

3. *Гаман-Голутвина О. В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3.

4. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.

5. *Кадыржанов Р. К.* Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. Алматы, 1999.

6. *Пастухов В. Б.* Медведев и Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию // Полис. 2009. № 6.

7. Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. М., 2009.

8. *Солозобов Ю. М.* Политический транзит в Казахстане: без заимствований и революций // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 8.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 327(470) + 327(55) + 327(470.5)

Б. Г. Фаткулин

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА УРОВНЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: РЕАЛЬНОСТЬ, ПОТЕНЦИАЛ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье акцентируется внимание на необходимости укрепления связей между Ираном и Россией не только на уровне официальной дипломатии, но также на уровне иранских провинций и Уральского федерального округа. Отношения Ирана и России могут укрепляться в том числе на уровне народной дипломатии и в сфере образования. Эта идея может стать реальностью в рамках Университета ШОС, где изучение языка фарси и иранской истории и культуры могут осуществляться в интересах УрФО.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российско-иранские отношения, Университет ШОС, Екатеринбургский саммит ШОС, российско-иранская народная дипломатия.

Последние годы внесли изменения в отношения между Россией и Ираном, поскольку границы России отодвинулись далеко на север и доступ к бывшим южным рубежам СССР возможен теперь через центральноазиатские государства. Образовались так называемые буферные зоны и зоны присутствия и влияния других держав.

География российско-иранского взаимодействия также изменилась. Иран уже не имеет сухопутных границ с Россией, хотя общее для Ирана и России Каспийское море по-прежнему создает условия для прямого морского сообщения между двумя странами.